

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В год 100-летнего юбилея на юридическом факультете Воронежского государственного университета происходит множество различных событий, в числе которых важная роль принадлежит научным мероприятиям.

29 марта 2018 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция на тему: «Теория народного представительства: научное наследие профессора В. С. Основина и современность», организованная кафедрой конституционного и муниципального права при участии Воронежской областной Думы, правительства Воронежской области, Воронежского регионального отделения Ассоциации юристов России. Она была посвящена и еще одному юбилейному событию этого года – 25-летию принятия Конституции РФ.

Открывая конференцию, декан юридического факультета доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Ю. Н. Старилов подчеркнул особую роль профессора Виктора Степановича Основина в становлении и развитии юридического факультета ВГУ, в формировании Воронежской школы государственного права и советского строительства, традиции которой поддерживают и развивают в наши дни многие его ученики. Участникам конференции была представлена презентация, посвященная профессору В. С. Основину, отражающая основные этапы его жизненного пути, вехи трудовой и научной биографии – от аспиранта до заведующего кафедрой государственного права и советского строительства и декана юридического факультета; фотографии разных лет, дарственные надписи профессору В. С. Основину, книжные знаки.

Практически все выступавшие на конференции говорили о том, какую роль сыграл В. С. Основин в их судьбе, отмечали его большой талант ученого, внесшего значительный вклад в развитие теории народного представительства, а также его замечательные человеческие качества.

Участники конференции затронули широкий круг актуальных проблем как научно-теоретического, так и практического характера, касающихся становления и развития системы представительных и иных выборных органов публичной власти всех уровней, совершенствования гарантий народного представительства, механизмов участия граждан в деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти и местного самоуправления.

Редакция журнала предлагает вниманию читателей некоторые материалы, подготовленные их авторами на основе своих докладов на конференции.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

С. А. Авакьян

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 29 марта 2018 г.

Аннотация: автор отмечает, что теория представительства, будучи сильно связанной с конституционным правом, недостаточно разработана. В рамках ограниченного объема статьи он ищет ответы на ряд наиболее актуальных вопросов – в чем суть представительства, кто может быть представителем, суть и пределы действий представителя от имени представляемых и от самого себя, есть ли ответственность представителя, кто и как может оценивать его поведение, действия.

Ключевые слова: представитель, представляемые, суть представительства, пределы действий представителя, ответственность представителя.

Abstract: the author notes that the theory of representation, being strongly associated with constitutional law, has not been sufficiently developed. Within the limited scope of the article, he seeks answers to some of the most actual questions – what is the essence of representation, who can be the representative, the essence and limits of the representative's actions of the represented and from himself, is the representative's responsibility, who and how can assess his behavior, actions.

Key words: representative, represented, essence of representation, limits of representative actions, representative's responsibility.

Теория представительства, казалось бы, наиболее тесно связанная именно с конституционным правом, в реальности является довольно запущенной сферой нашей науки. Оперируя широким понятийным рядом – «народное представительство», «представительная демократия», «органы народного представительства», «представительный орган» и еще многими проистекающими отсюда понятиями и словосочетаниями, – мы далеко не всегда можем объяснить себе, нашим слушателям и читателям всю *полноту* смысла представительства, воплощаемого словарем конституционного лексикона.

В принципе категория представительства предполагает более или менее четкие ответы на такие вопросы, как: в чем суть представительства; кто может быть представителем; как появляется представитель; что, как, где может делать представитель от имени представляемого (представляемых), насколько он «призван» и «обязан»; что может делать представитель от своего собственного имени; ответственность представителя; кто и как может его оценивать.

Попробуем сжато ответить на эти вопросы не столько в общем плане, сколько в контексте конституционно-правовых аспектов проблемы представительства.

1. *Суть представительства* относительно проста – физическому или юридическому лицу поручается (или он берет на себя) миссия представлять интересы гражданина, юридического лица, органа публичной власти, какую-либо формализованную или безграничную общность людей, часть территории страны либо все государство. Представлять других – значит быть а) «бессловесным» выразителем их интересов уже в силу своего статуса представителя, б) «словопроизносящим» либо «осуществляющим действия» субъектом различных отношений. Превращение лица, органа в представителя в немалой степени обуславливает его статус, слова и поступки, в целом поведение; в конституционно-правовых отношениях тем более возникают вопросы, связанные для представителя со свободой действий, зависимостью либо независимостью от тех, чьи интересы представляются.

Однако неизбежно приходится констатировать, что воспитанное традиционным юридическим образованием восприятие представителя как того, кому *поручено* выполнять задачи представительства, именно в конституционно-политических сферах сталкивается с немалым числом случаев, когда субъект самоинициативно, *самозванно* объявляет себя представителем, соответственно действует (или делает вид, что действует) *в интересах (или якобы в интересах)* тех, кого он – официально или по своему суждению – представляет. Достаточно ярко это демонстрируется при создании политических партий, поскольку именно они заявляют о себе как о представителях народа в целом, его групп и слоев, причем даже не спрашивая, хотят ли эти субъекты считать партию своим представителем. Точно так же поступают на выборах и отдельные кандидаты в депутаты, в главы государств, заявляя публично, что они представляют интересы народа.

Отсюда приходится корректировать уже саму суть представительства, поскольку в подобных случаях очень мало схожего с традиционным представительством по поручению, связывающим действия представителя. Довольно распространенные в таких случаях представители (или якобы представители) сами могут сформулировать те «чаяния», интересы, выразителями которых они себя считают, объявляют. Более того, они еще могут подумать, брать ли на себя предложения, просьбы, поручения той массы, представителями которой они себя объявили. Типичный исторический и сегодняшний пример подобной манипуляции – предвыборные обещания партий, кандидатов, наказы избирателей; с обещаниями поступают весьма вольно – их щедро раздают, понимая, что это всего лишь политические приманки.

2. Отсюда в ответе на вопрос о том, *кто* может быть представителем, приходится в первую очередь учитывать, что в нормативном акте может быть (должно быть) обозначено, что субъект права назначает (если шире – определяет) своего представителя; причем может быть и так, что у сторон и не спрашивают: хотят ли – одна сторона иметь представителя, другая сторона быть представителем. Отсюда родилось понятие *законного* представителя, т. е. представителя по статусу. К примеру, в семейном

праве такими представителями называют родителей ребенка, при их отсутствии появляется опекун или иной официально назначенный представитель; есть и «внешне расположенный» представитель – государственный орган, стоящий на страже интересов ребенка, – это орган опеки и попечительства. В частноправовых отношениях есть представители по должности – лица, которым поручено возглавлять фирму, компанию, но есть и представители, которые на постоянной или разовой основе – по назначению, по поручению – представляют хозяйствующий объект в суде, налоговых органах и т. д. (приходя туда, они предъявлением соответствующей «бумаги» подтверждают свои полномочия). В жилищных отношениях функции представителя проживающих в квартире официально выполняет ответственный квартиросъемщик: именно ему адресуют счета, извещения и другие официальные бумаги.

Как видим, взаимообусловленно обозначаются две категории – не только *кто*, но еще и *чей* представитель.

В публично-властных отношениях, в конституционном праве как отрасли права, регулирующей такие отношения, названные выше два аспекта очень часто тоже взаимосвязаны. И традиционные истоки представительства здесь наличествуют.

Во-первых, избранный или назначенный руководитель органа публичной власти является его официальным представителем. Это положение закрепляется в нормативном акте – как общего свойства, так и посвященном конкретному органу. К примеру, очевидно, что Председатель Государственной Думы есть ее представитель; нормативно это зафиксировано в п. «е» ч. 1 ст. 11 Регламента Государственной Думы: ее Председатель *«представляет палату»* во взаимоотношениях с Президентом РФ, Советом Федерации, Правительством РФ, субъектами РФ, целой чередой федеральных и региональных органов государственной власти, а также с общественными объединениями, другими организациями и должностными лицами, с парламентами иностранных государств, высшими должностными лицами иностранных государств и международными организациями. Согласно ч. 4 ст. 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», глава муниципального образования в пределах полномочий, установленных данным законом, *представляет муниципальное образование* в отношениях с органами местного самоуправления других муниципальных образований, органами государственной власти, гражданами и организациями, без доверенности действует от имени муниципального образования.

Во-вторых, это предполагает закрепление за соответствующим руководителем возможности приобретать права, осуществлять действия. Так, ч. 1 ст. 41 названного ФЗ «Об общих принципах...» гласит, что *от имени* муниципального образования приобретать и осуществлять имущественные и иные права и обязанности, выступать в суде без доверенности могут глава местной администрации, другие должностные лица местного самоуправления в соответствии с уставом муниципального образования.

И все же более серьезным фактором, нуждающимся в исследовании, является то, что было сказано выше, – во властеотношениях как главном объекте конституционно-правового регулирования довольно часто определенные участники воспринимаются со стороны (и воспринимают сами себя) как *субъекты, олицетворяющие представительство*. Для всех, в том числе и для самих органов, это настолько очевидно, что расшифровки – в чем соответственно состоит представительство – в законодательстве не дается. Это как бы само собой разумеющееся состояние. Например, согласно ст. 94 Конституции РФ: «Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации – является *представительным* и законодательным органом Российской Федерации». Что значит «представительным»? Можно обратиться к ряду статей Конституции РФ, прежде всего к ст. 3, в которой сказано (ч. 2): «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Значит, Федеральное Собрание – это орган осуществления власти народа; по статьям 10 и 11 Конституции, – орган государственной власти России. Таким образом, это орган, действующий *от имени* народа, государства, *представляющий* их интересы. Кстати, здесь возникают вопросы, давно волнующие конституционалистов и вызывающие немалые споры: не прекращается ли в этом случае, образно говоря, *самопредставительство* тех, для кого появились представители; не вправе ли представитель сказать: баста, теперь вы ничего не можете, отныне лишь я выражаю ваши интересы?

Соответственно, нам приходится искать ответ на такой вопрос: представительство – это идея, принцип или же оно логично воплощается в последующих действиях? Хотя очевидно, что одно следует за другим, все же следовало бы разделить – для теории вопроса: представительство – это *символ, действия либо то и другое вместе?* Почему так? Дело в том, что по крайней мере для Федерального Собрания Российской Федерации это не только теоретический вопрос: ст. 100 Конституции предписывает палатам заседать раздельно, а статьи 104 и 105 их сотрудничество воплощают конкретно в законодательном процессе, но как «разделенное» сотрудничество – кроме редких случаев согласительных действий, но и в них действуют представители палат, хотя и по их поручению. И получается, что Федеральное Собрание в целом – это как бы *символ* представительства народа и государства, если более конкретно – *обобщенное олицетворение* российского парламентаризма. На чем оно основано? На том, что создание и деятельность органа в целом, парламентариев обусловлены интересами народа, государства. Но достаточно ли этого? По всей вероятности, нет, если уж палаты работают раздельно. И тогда уже для Государственной Думы на передний план выходит то, что она олицетворяет общеполитическое представительство, а для Совета Федерации – что это орган общетерриториального представительства. Но это опять же символы представительства.

Надо отметить, что в некоторых странах поняли, что даже общие слова о представительстве надо конкретизировать и увязать с объемом пред-

ставительства. Наглядный пример – п. 3 ст. 3 Конституции Республики Казахстан, который гласит: «право выступать от имени народа и государства принадлежит Президенту, а также Парламенту Республики в пределах его конституционных полномочий. Правительство Республики и иные государственные органы выступают от имени государства в пределах делегированных им полномочий». Как видим, по Основному закону этого государства в широком и неограниченном объеме представлять народ может лишь Президент; Парламент должен исходить из того, что ему поручено, в том числе и в вопросах представительства, Конституцией, а Правительство может это делать в рамках того, что ему делегировано, причем в строгом смысле конституционных положений от имени не народа, а государства.

Восприятие представительства как общего предназначения имеет право на существование. Однако в нем нет того юридического дополнения, которое и ученые-конституционалисты, и население считают крайне необходимым. Речь идет о тех *обязывающих* факторах, с которыми связано возложение на себя функций представительства. С одной стороны, это принятие на себя миссии не только *выслушивания* избирателей, но и *исполнения* их просьб, поручений общественного значения (звучания). С другой стороны, это *ответственность* за свою деятельность и *ответственное поведение*, как важнейшие составляющие отношений представительства.

3. Отсюда следующий наш тезис: связь представительства как символа и как обязывающих действий – это очень важная проблема для политических отношений и их конституционно-правового регулирования. Нечеткость в определении сторон отношений представительства в конституционном праве, соответственно «свобода» в выборе действий со стороны тех, кто посчитал себя представителем, от якобы представляемых – позволяет именно ту вольность обращения с категорией представительства, которую для себя считают приемлемой и «логичной», как уже отмечалось выше, любой малозначимый политик, просто человек с амбициозными, авантюрными наклонностями, иные сомнительные личности. Особенно опасно, когда сторонники подобной психологии, «нового порядка» в интересах как будто бы представляемого ими народа творят беспорядки на улице, громят витрины, поджигают автомашин, избивают людей и т. п.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли сформулировать объективные критерии для того, кто пытается стать представителем или претендовать на представительство? Ведь в таких делах могут проявляться начала и революционного радикализма, и даже трагикомизма. Автору этих строк попался пример судебного дела, когда некий гражданин Б. обратился с требованием к Патриарху Московскому и Всея Руси – признать его (гражданина) мессией, пришедшим в этот мир, чтобы осчастливить людей. Получив отказ, гражданин пошел оспаривать его в суд. Определением судьи Московского городского суда от 2 июля 2012 г. было отказано в принятии искового заявления Б. к Патриарху Московскому и

Всея Руси об обязании рассмотреть в кратчайший срок (далее цитируем строки из судебного документа) «в его сердце Царствие Божие с помощью мудрых от Бога по сему исковому заявлению, покориться, признать его подобием *мессии* (выделено мной. – С. А.) и довести до братьев и сестер по полоти и крови, дабы разумные успели избрать жизнь и выйти из Москвы, чтобы жить». Б. не устроил отказ, он обратился с частной жалобой, и появилось уже отказное апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 6 сентября 2012 г. по делу № 11-18965. Судебные инстанции оказались мудрыми, поэтому в своих решениях основание отказа сформулировали так: заявленные Б. требования к Патриарху в связи с исполнением им своих обязанностей не могут быть предметом рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, поскольку конституционные принципы светского государства и отделения религиозных объединений от государства означают, что государство не вправе вмешиваться в законную деятельность религиозных объединений, возлагать на них выполнение функций органов государственной власти и местного самоуправления. Конечно, заявление Б., мягко говоря, специфично. Суд ведь не вправе ни признать его «мессией»-представителем, ни обязать сделать это духовного руководителя православной церкви. Но зачастую ситуации уже не выглядят просто комичными. Как только в России была допущена многопартийность, незамедлительно стали появляться амбициозные организации, претендующие на то, что именно они, *выражая (!) интересы народа*, не только имеют право на существование, но и могут участвовать в выборах, влиять на осуществление государственной власти. Если их не приемлет народ, они меняют свое обличье, название, но снова рвутся к публичной деятельности. И снова позиционируют себя как представителей народа!

Пожалуй, с долей политического уныния приходится отметить, что в политических отношениях сплошь можно найти примеры «явления» себя в качестве представителя народа, общества, субъекта борьбы за соответствующие позиции, победы и официального объявления о возложении на себя функций представительства. И если объявление данных «политических героев» себя представителями народа вызывает чувство горечи, то попытка подать себя как представителей государства вызывает уже чувство беспокойства.

Как быть? Если в обычных конституционно-правовых отношениях не так сложно определиться с представителями и границами их действий, то как раз в массовых публичных акциях это достаточно сложно. Нельзя исключать того, что власть должна регулировать рамки поведения, и с этим обязаны считаться все, кто участвует в мероприятиях. Однако в этом случае власть может по мотивам упорядочения политического поведения включить в правовые нормы такие ограничения, которые не позволят уже самим гражданам провести мирные действия для выражения (представления) своих настроений. Наглядный тому пример – корректировка Федерального закона от 19 июня 2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», Кодекса об административных

правонарушениях новеллами 2012–2015 гг., когда, с одной стороны, вводились справедливые нормы о том, чтобы участники не имели при себе оружия и иных опасных предметов, не закрывали своих лиц масками, но с другой стороны – административным и судебным органам власти было предоставлено право признать любое, даже малочисленное, скопление людей в публичном месте уже несанкционированным «сборищем», нарушающим общественный порядок и заслуживающим судебного штрафа.

Получается, что, с одной стороны, очевидна необходимость *формулирования условий* – кто может быть участником политических (конституционно-правовых) отношений, в том числе и в качестве представителя, с другой стороны, – запретов на участие.

История цивилизации и история нашей страны пестрят примерами нормативного закрепления требований не только для тех, кто рвется в представители, но зачастую также и для тех, кто даже не думает об «одеждах» представителя. Учреждая представительные органы, совершая перевороты, находившиеся или пришедшие к власти слои, группы незамедлительно вводят правила и ограничения и для тех, кто вправе голосовать и таким путем определять своих представителей, и для тех, кто хотел бы стать таким представителем. Для выборов в истории сплошь и рядом находим: имущественные ограничения – и голосовать, и стать депутатом можно при наличии собственности; классовые ограничения – отстранялись от участия в выборах и тем более не могли стать депутатами лица из определенных слоев, объявленных враждебными и/или эксплуататорскими. Прошло время, эти условия отпали, но остались и во многом модернизировались ограничения по выполнению функций представителя (депутата) для осужденных и отбывших наказание. Появились ограничения, связанные с тем, что желающие участвовать в отношениях представительства являются иностранными агентами, т.е. живут на заграничные деньги. Придуманы и условия, связанные не только с отсутствием российского гражданства, но и наличием двойного гражданства, и даже с обладанием документом, дающим право на постоянное проживание в иностранном государстве.

4. Итак, проблема, кому поручать или кто вправе претендовать на миссию представителя, была, есть и будет животрепещущей. Но не менее актуальны и другие вопросы.

Один из наиболее актуальных – *об условиях представительства*. Если кратко, он воплощается во взаимоисключающих тезисах: а) «если ты мой, наш представитель, изволь делать лишь то, что тебе поручено, и преимущественно теми средствами, которые мы для тебя определили»; б) «доверьтесь мне, сделайте представителем, а я уж знаю, что и как делать».

Даже в обычных отношениях частнопроводного представительства эта дилемма существует, а что уж говорить о конституционно-политической материи! Прежде всего вспоминаются наиболее известные в этом плане теории «императивного мандата» и «свободного мандата». Когда зарождались средневековые советы, собрания, думы как городские органы представительства, применяемое при их формировании делегирование

(избрание) шло по куриальному принципу – в большей мере от ремесленных цехов, в меньшей – от обычного (посадского) населения. И все направлявшие своих представителей непременно хотели, чтобы эти люди о своем качестве представителей постоянно помнили, для чего их «связывали» поручениями, заданиями, а то и речами. Отсюда и пошло понятие «императивный мандат». Свобода представителей состояла при этом лишь в манерах собственного поведения, проявления себя, красноречия.

Когда стали появляться общетерриториальные и тем более общегосударственные парламентско-представительные органы власти, в западноевропейских странах постепенно возобладал территориальный принцип избрания, и тогда уж депутат становился представителем всего населения территории, округа, и делать его «заложником» куриальных объединений было невозможно, не говоря уже о том, что имело место несовпадение интересов частей территории и групп населения, а также необходимость думать об общетерриториальных проблемах и путях их решения. К тому же это время совпало и с формированием категории «народа» в соответствующих странах. И тогда уже ведущим стал принцип «свободного мандата», превращавший депутата, иное выборное лицо в представителя народа, населения, по большому счету – представителя общегосударственных, общетерриториальных интересов. А уж когда появились политические партии, тогда и они стали влиять на то, чтобы подобные представители-депутаты одновременно стали и представителями политических партий. При этом никто не отрицал, что стать представителем небогатому человеку было сложно, имущественное состояние приплюсовывалось к политическому представительству и часто было определяющим фактором.

Советская система представительства стала удивительным переплетением отказа от материального критерия и создания новых требований для отношений представительства. Это тема отдельного разговора, тезисно отметим лишь несколько моментов: сначала прямое учреждение сочетания выборов по производственному и по территориальному принципам; далее постепенное движение к территориальным выборам, но с выдвижением кандидатов трудовыми коллективами; сильное влияние компартии на формирование состава и избрание депутатов; хотя лишь часть депутатов были членами компартии, большинство формально оставались беспартийными, все они считались представителями «единого блока коммунистов и беспартийных».

Постсоветская система выборов и представительства имеет свои причудливые оттенки: сочетание выборов по округам и партийным спискам; при частном финансировании выборов реальность победы – только при мощной спонсорской поддержке; ориентация на политические партии, обеспечивающие избрание; реализация партиями своих планов через государство и его политику. И самая большая особенность наших дней: отмена порога явки. Когда победа возможна при минимуме участия избирателей, что превращает представительства в иллюзорность.

Надо сказать: чем более абстрактно, обобщенно воспринимается представительство, и особенно в конституционно-политическом разрезе, тем

свободнее себя чувствуют те, о ком может идти речь как о представителях. Прежде всего, они могут по своему желанию «и так, и сяк» толковать свою представительскую миссию, исходя из способа своего появления во властных структурах. Даже ученые не могут договориться о том, сужать ли категорию представительства лишь до избираемых лиц, и до какого их вида. В частности, есть те, кто считает представительной властью лишь орган, состоящий из депутатов. А вот президенту страны, избранному, как говорится, всем народом, отказывают в представительском призвании и предназначении. Почему так? Да потому, что это ломает традиционное, идущее от XVIII в. толкование представительной ветви власти как связанной именно с парламентаризмом и его производностью от народа, а также коллегиальностью подобного органа. И при этом как бы забывается, что тогда другую ветвь власти воплощали монарх и подчиненная ему администрация как исполнительная власть. А монарха считали производным от Бога, исходить из производности монарха от подданных никак нельзя. И получалась, что монарх «думает», заботится о народе, т. е. как бы представляет своих подданных, но у народа нет прав оценивать монарха,

Но время-то прошло, главой государства стал не божественный посланник, а обычный человек, в прошлом клерк, лесоруб и т. п., и полномочия свои он получил в результате выборов из рук народа. Казалось бы, его тоже, как любое избранное лицо, следовало бы считать представителем народа. Но нет! Сторонники архаичных подходов по-прежнему отказывают ему в представлении интересов народа, в поименовании народным представителем. Почему так? Да потому что засело в них понимание, что глава государства стоит во главе исполнительной власти – даже если избран народом.

Наша реальность рождает и другие вопросы, очень важные для представительства. Остановимся лишь на некоторых.

В частности, мы считаем всё Федеральное Собрание представительным органом, т. е. и Государственную Думу, избираемую путем прямых выборов, и Совет Федерации, по Конституции формируемый. Причем здесь можно говорить о так называемом *вторичном представительстве*:

– один член Совета Федерации делегируется в палату представительным органом власти субъекта Российской Федерации, избираемым населением;

– второй член Совета Федерации направляется в палату главой исполнительной власти субъекта РФ, который в большинстве субъектов РФ избирается населением, а в ряде субъектов РФ – решением законодательного органа субъекта;

– третий член Совета Федерации назначается Президентом Российской Федерации и по Конституции РФ считается представителем Российской Федерации.

В местном самоуправлении сейчас тоже есть варианты вторичного представительства. Так, представительный орган муниципального района может быть сформирован из депутатов, делегированных представительными органами поселений, а также глав поселений как муници-

пальных образований. Представительный орган городского округа как муниципального образования может быть сформирован из депутатов, делегированных районными муниципальными собраниями.

Приведенные примеры не должны обесценивать такое представительство. Однако случаи избрания не коллегиального органа, а одного лица на выборную должность непосредственно населением, так же как и делегирования в иной орган надо четко определить: все *правила представительства* и все *обязательства* быть представителем положено соблюдать.

5. С учетом этого не так уж сложно определиться с очередными волнующими нас вопросами. Прежде всего: что может делать представитель от имени представляемых и что – от своего соответственно. Выше уже говорилось, что зачастую в общем статусе представителя закрепляется его призвание быть таковым, т. е. поведение *экс оффицио* является само собой разумеющимся. Однако это совсем не означает вседозволенности поведения. Его рамки не только подразумеваются, но при необходимости и нормативно закрепляются. К примеру, Председатель Государственной Думы ряд решений вправе принимать лишь после того, как вопрос был рассмотрен на заседании Совета Государственной Думы; Председатель ограничен в желании комментировать выступления с трибуны палаты; если он желает сам выступить, то передает функции председательствующего другому лицу, и т. д.

Можно сказать в целом так: корректное выступление от имени либо в интересах представляемых допускается. Соблюдение положенных процедурных правил обязательно. И, конечно, недопустимо нарушение этических норм.

Соответственно решается и вопрос об *ответственности* представителя. Стоит вспомнить, что в теории конституционно-правовой ответственности часто говорится о позитивной ответственности как самоответственности и ответственности в виде отчета, сообщения о своей деятельности, ее публичной оценки и т. п. Ответственность перед своей совестью всегда остается на усмотрение того, перед кем эта проблема возникает. Неизбежна и публичная оценка поведения и деятельности политического деятеля, никуда от такой оценки нельзя скрыться. Однако отношения представительства требуют того, чтобы всегда висел дамоклов меч ответственности за свои политические и житейские шаги того, кто стал представителем, т.е. ответственности за свое поведение, свои действия, ошибки.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Авакян С. А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ

E-mail: avakian@law.msu.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Avakyan S. A., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Honoured Scientist of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation

E-mail: avakian@law.msu.ru